Почему одна партия?

Я уже писал, как в самом начале обсуждения, еще не проекта, а пока основных принципов новой Конституции, возник вопрос о выдвижении на выборах в Верховный Совет нескольких кандидатов. Тогда все уперлось в неразрешимую проблему: одного кандидата, естественно, выдвигает партия, а кто остальных? Отец считал, такое право можно предоставить общественным организациям. Но тут же возникал новый вопрос: что это за общественные организации, каков их статус и чем они отличаются от партии, если наделяются правом выдвижения кандидатов в высший законодательный орган страны? Поиск ответа оставили на потом. В 1964 году это «потом» наступило, окончательный текст Конституции требовал законодательно четко описать процедуру будущих выборов. Решение ожидали от отца.

В начале XXI века Михаил Горбачев, а вслед за ним и еще кое-кто стали говорить, что, разделяя обкомы на сельские и промышленные, Хрущев, как бы инициировал появления двух партий: промышленной и аграрной, зарождение многопартийной системы.

Откровенно говоря, слова Горбачева я относил к столь модным в наши дни политическим спекуляциям. В 1962 году, учреждая производственные управления и разделяя

обкомы, отец говорил о профессионализме управления, о менеджменте, а не о партийности. Во всех следующих записках и выступлениях отец настойчиво требовал запретить партийным чиновникам из вновь организованных структур вмешиваться в производственные дела, делал все, чтобы отстранить партию от управления экономикой, – ее дело воспитание масс, агитация и пропаганда.

С другой стороны, объективно Горбачев прав – разделение обкомов на городские и сельские создавали предпосылки возникновения двух конкурирующих центров власти, ведь интересы аграриев и промышленников не совпадают и партийное размежевание по такому принципу обычно во многих странах.

Я все-таки не думаю, что отец столь далеко заходил в своих планах в 1962 году, но в 1964 году, размышляя не только о статье в новой Конституции, но и вообще о природе власти, о таящейся в однопартийности опасности, он не мог не задуматься. «Неизбежно возникает проблема того, кому и чему служит Коммунистическая партия, централизованная, дисциплинированная, спаянная единым порывом, – пишет он, уже находясь в отставке. – … Ее организационная система позволяет кому-то одному использовать ее ради злоупотребления властью. Мне кажется, если бы Ленин пожил подольше, он что-то предложил бы, чтобы исключить такую возможность. Но это лишь догадки».

Когда отец ссылался на Ленина, это означало, что он сам пытается разрешить «не разрешенную Лениным» проблему. И, как мы видим, дело тут не только в выборах, сколько в самой природе власти, в угрозе сползания однопартийной «демократии» к откровенной личной тирании. Цель отца – сделать так, чтобы исключить в будущем такую возможность.

Логически единственное и самое естественное решение – многопартийность. Центрами ее кристаллизации вполне могли стать и разделенные обкомы. Так что Михаилу Сергеевичу не откажешь в прозорливости.

Я таких разговоров с отцом не вел, а вот советский посол в Норвегии Николай Луньков в своей книге «Русский дипломат в Европе» воспроизводит якобы подслушанный им диалог отца с помощниками.

Дело происходило летом 1964 года во время визита в Норвегию.

«Хрущев прогуливался вместе с Аджубеем и Сатюковым вокруг королевской резиденции на Бюгдой, где он размещался вместе с семьей. Мы с министром иностранных дел держались чуть поодаль. Громыко подтолкнул меня вперед, сказав, что посол должен находиться рядом с главой правительства, вдруг возникнут вопросы, касающиеся страны. Когда я приблизился, Хрущев, продолжая разговор, обратился к своим собеседникам: “Слушайте, как вы думаете, что, если у нас создать две партии: рабочую и крестьянскую?”» При этом он оглянулся на Лунькова. Тот правильно истолковал этот взгляд и отстал. Пораженный услышанным, Луньков тут же на ухо пересказал Громыко слова отца. «“Да, это интересно. Но вы об этом никому не говорите”, – осторожно порекомендовал Громыко».

Придумать такого Луньков не мог. А если вспомнить, что отец в июле на Пленуме ЦК, сразу по возвращении из Скандинавии, под впечатлением достижений и опыта скандинавских стран говорил «о различии мнений в стране и необходимости создать все условия для развития демократии», то подслушанные Луньковым слова не кажутся столь фантастическими. Возможно, отец начинал примериваться к следующему шагу, да и реакция его доверенных слушателей Сатюкова и Аджубея нам неизвестна. Не исключено, что они начали активно возражать и он отступил на время. Но если отец задумался о разделении партии, то, зная его характер, я могу предположить, что раньше или позже он бы додумал все до конца.

Возможно, отец «проверял себя» не только на Сатюкове и Аджубее, но делился своими соображениями и с соратниками по Президиуму ЦК. Такие разговоры могли только усилить желание «соратников» поскорее разделаться со своим Первым секретарем. К сожалению, мы

теперь уже не узнаем, как далеко собирался отец зайти в реформировании государственного устройства СССР.